

Семенов Н. Н.

г. Старый Оскол, филиал БелГУ

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПАРЕМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА

Народные афоризмы, в своей основе, традиционно относятся к средствам трансляции народной мудрости, вмещающей в себя (1) устойчивые представления об устройстве мира, природе вещей и человеческих отношений, (2) ведущие прагматические оценки наиболее важных категорий бытия, (3) представления о системном взаимодействии базовых ценностей национальной культуры. Воплощенная в афористической форме народная мудрость многолика и разнообразна как в плане собственно языкового воплощения, так и в плане отбора ведущего прагматического принципа подачи информации: поговорки поучают и формируют прагматически адекватную реакцию на стереотипную ситуацию; поговорки транслируют речевой стереотип и демонстрируют народно-речевую образность; загадки, со временем утратившие свою сакральную функцию, отражают логику взаимодействия различных ментальных единиц и категорий, характеризуя сам образ мысли народа с его ярко выраженной антропоморфностью, парадоксальностью и семантической диффузностью образных номинаций; приметы одновременно раскрывают законы бытия и кодифицируют действительность, поскольку истинные причины закономерностей всегда остаются в тени. Таким образом, народные афоризмы различных жанров выполняют целый ряд когнитивных и прагматических функций, являясь проявлением деятельного аспекта народной мудрости, активной в плане трансляции кодов культуры, необходимых для сохранения национальной идентичности.

Рассматривая культурологические функции паремий как сложных знаков языка и культуры, мы выделяем ряд проблемных ситуаций, в которых принято апеллировать к фонду народной мудрости, – в первую очередь, это проблемы, связанные с понятием личного пространства человека – проблемы самоидентификации и толерантности. В паремическом фонде русского языка данные категории отражены в первую очередь в (а) пословицах и поговорках, репрезентирующих концептуальную антитезу «Свое – Чужое» и концепт «Род / Племя»; (б) приметах, характеризующих личное пространство и социальную деятельность человека; (в) загадках, номинирующих человека и строение его тела, а так же денотаты, окружающие человека в его природном и социальном поле. В процессе рассмотрения паремий, смысловая структура которых актуальна для раскрытия феноменов национальной самоидентификации и народной толерантности, следует учитывать и тот момент, что сами рассматриваемые понятия имеют определенные зоны смыслового наложения.

В культурологии самоидентификация понимается как осознание определенного единства человеческого сообщества по какому-либо ведущему признаку. Своеобразное групповое «Мы» формируется с опорой на традиции и общность мировоззрения, возникающую в результате доминирования принятой на данный момент идеологии. В случае с паремическим фондом функцию идеологии

выполняет общественное мнение – особый феномен групповой ментальности, – формирующее у человека ценностные и поведенческие рамки, за которые не следует выходить, чтобы не нарушить безусловности своей принадлежности к сообществу. При этом общественное мнение, в отличие от идеологии, не имеет выраженной программности, а формы влияния общественного мнения на личность в основном ограничиваются сферой межличностного взаимодействия. Понятие самоидентификации базируется на толковании психологического термина «идентификация», который традиционно понимается как процесс отождествления себя с какой-либо группой и, соответственно, принятие основных ценностных и поведенческих установок данной группы.

Таким образом, в процессе идентификации себя с сообществом человек не просто признает цели и ценности группы, а приобретает устойчивые ценностные ориентации в качестве некоего культурного фильтра, влияющего на индивидуальный менталитет. Соответственно, чем больше точек совпадения между менталитетом групповым и индивидуальным, тем выше степень культурной идентификации человека. Интересно, что данный вывод, производящий впечатление вполне обоснованного, теряет свою состоятельность при попытке выявления механизма самоидентификации носителя языка в процессе прагматической интерпретации им единиц паремического фонда. В результате широкое понимание культурной самоидентификации связано с когнитивной деятельностью носителя языка, осуществляемой в процессе усвоения и дискурсивной интерпретации паремий, – это процесс сопоставления собственных реакций и оценок с прагматической установкой значения паремий, реализованного в соответствующем дискурсе.

Процесс культурной самоидентификации как своеобразной социокультурной рефлексии является одним из важнейших в осуществлении механизма передачи знаний и традиций, поэтому связанные с данным процессом закономерности не могли не отразиться и в смысловом пространстве русской паремиологии. Одна из важнейших категорий, характеризующих процесс культурной самоидентификации, – категория «Свое – Чужое». Данная категория является одной из базовых осей мировосприятия, важнейшим когнитивным основанием категоризации мира. Соответствующая концептуальная антитеза вербализуется в паремическом фонде как с помощью лексических эквивалентов (ключевых слов *свой, чужой, свое, чужое*), так и без их участия, в основном в составе тематических групп «Род – Племя», «Зависть – Жадность», «Сосед – Рубеж», «Богатство – Убожество» и некоторых других). Данная концептуальная антитеза относится к числу универсальных для различных культур и служит не только для продуцирования смыслов, связанных с определением личностных и имущественных границ, но и для выбора вектора оценки других важнейших категорий, – и именно в данной роли она интересна для нашего исследования.

Особую роль в демонстрации самих принципов культурной идентификации играют пословицы и поговорки, формирующие представление о гибкости рамок «своего» и «чужого», о ситуативной обусловленности в оценке данных категорий и о полифонии установок на соблюдение границ между «своим» и «чужим». Так, в тематической группе пословиц «Свое – Чужое» выражено несколько ведущих обобщенных прагматических смыслов:

1. индифферентность в оценке происходящего (*А после нас хоть трава не расти*);

2. положительная оценка «своего» (*Всякий купец свой товар хвалит; Дитя хоть и криво, да отцу, матери мило*);

3. отрицательная оценка «чужого» (*На чужом тиру с похмелья*);

4. преваширование «своего» над «чужим» (*Людам скоромно, а нам на здоровье; Либо коня жалеть, либо себя*);

5. ограждение и охранение «своего» от «чужих» (*Себе кусочек с коровий носочек, другому ломоть – положить нечего в рот*);

6. единение «своих» (*Свой своему – и ногой пнет, поможет; Всякая сосна своему бору шумит*);

7. несовпадение в эмоциональной оценке «своего» и «чужого» (*Кому не больно – тому и не тошно; Сытый по голодном не плачет*);

8. ограждение зоны ответственности в пределах «своего» (*В своих углах не староста указчик; В своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет*);

9. изоморфность «своего» «себе» и в облике, и в участи (*Чья горница, тем она и кормится; Потоп кораблям, песок журавлям*);

10. несовпадение ценностного компонента в определяемом как «свое» или «чужое» (*Над людским дураком не нахаешься, над своим не накаешься; Чужая свинья да в чужом огороде – волк ее режь и с огородом-то*) и т. д.

Таким образом, в зависимости от ситуаций человек идентифицирует себя либо со «своими», либо с «чужими», а взаимоотношения «своего» и «чужого» обусловлены потребностью и выгодой. Не стоит всегда думать «как все» (*Он глядит чужими глазами, слушает чужими ушами*), но следует знать, о чем говорят (*Сиж у печи да слушаю людские речи*). Кто «свой», а кто «чужой», решает, в конце концов, сам человек, выбирая позицию для оценки, в соответствии с которой незначимыми могут стать категории «хороший – плохой», «нужный – ненужный»: *Свой хлеб хоть ночью ешь; Родню считай, денег не поминай; деньги считай, родни не поминай*. При этом «свое» несчастье не разделишь ни с другом, ни с врагом, о чем свидетельствуют паремические варианты: *Что у тебя болит, то у друга не свербит; Что у тебя болит, то у недруга не свербит*.

Следует отметить, что антитеза «Свое – Чужое» не всегда является центральным смысловым компонентом высказывания, она может служить и для выражения других категорий, измеримых с ее помощью. Например, в пословице *Лучше отдать свое, нежели чужое взять* репрезентируются концепты «Совесть» и «Порядочность»; в смысловой структуре пословиц *Где свое добро ни нашел, там его и взял* и *Стригу овцу, так шерсть моя; шкуру сниму, так и мясо съем* актуализируется содержание концептов «Правда» и «Справедливость». Особенно часто используется данная антитеза для выражения концепта «Зависть»: *В чужих руках ломоть (тирог) велик; а как нам достанется, мал покажется; Чужим здоровьем болен; На чужое добро и глаза разгораются; Охал дядя на чужие деньги глядя*. В приведенных примерах, несмотря на репрезентацию концептуальной антитезы «Свое – Чужое», отсутствует семантика самоидентификации, поскольку в данных текстах

характеризуется не принадлежность человека к сообществу, а влияние характеристики принадлежности объекта на его оценку.

Еще одна когнитивная единица, содержание которой воплощается в пословицах, свидетельствующих о позиции самоидентификации человека, – концепт «Род / Племя». Недаром одно из традиционных приветствий, ярко характеризующих национальную культуру: *Какого рода племени?* – относит нас к первичному человеческому сообществу, традиции и стереотипы которого мы впитали. Паремии выражают незыблемую закономерность, согласно которой *Сим молитву деет, Хам тиеницу сеет, Афет власть имеет, смерть всем владеет; Гусь не намоеется, утка не наполоцется, кура не нашаркается; Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет*. Подобное положение вещей возводит принадлежность к определенному роду в ранг основного классифицирующего признака, который человек в ходе всей жизни не имеет права забывать, отрицать или нарушать – в противном случае он будет осужден и осмеян: *Возвысил бог куликов род. Рогом козел, а родом осел; И по рылу знать, что не простых свиней; Залетела ворона в царские хоромы: почета много, а полету нет; Собака и в собольей шубе блох ищет; Как не бодришь ворона, а до сокола далеко*.

Пословицы, репрезентирующие концепт «Род / Племя», могут выражать смыслы, транслирующие толерантное отношение к собственным характеристикам или закономерным жизненным обстоятельствам, по той или иной причине не устраивающим человека: *Не живет сорока без белого бока; Сер козел, сед козел, а все псиной несет; Что засело в костях, того из мяса не выколотишь; Подле пчелки в медок, а подле жучка в навозец; Из собаки блох не выбьешь*. Прагматическая рекомендация, заключенная в смысловой структуре данных пословиц, в общем смысле сводится к призыву «не сетовать на врожденные недостатки, поскольку изменить их мы не в силах».

В целом, категория толерантности в ее преломлении в русской языковой картине мира характеризуется достаточно противоречиво, и причина противоречий видится прежде всего в значимости для национального языкового сознания концепта «Терпимость», характеризующегося несколько иным содержанием, чем концепт с именем «Толерантность», актуализировавшийся в период активного проникновения реалий и традиций западной культуры в отечественную. Не углубляясь в проблему разграничения данных когнитивных единиц и, соответственно, смыслов вербализующих их единиц языка, стоит отметить, что одним из важнейших моментов несовпадения в содержательных областях концептов является ярко выраженный компонент «Жертвенность», актуальный для концепта «Терпимость». Видимо, поэтому в большинстве случаев толерантность определяется как терпимость к чужим мнениям, верованиям и поведению. Толерантность в отличие от жертвенной терпимости весьма рациональна и представляет собой одну из самых удачных формул жизненной философии, имеющей в том числе и паремическую форму выражения – *Чего в другом не любишь, того и сам не делай; Чего сам не любишь, того и другому не желай*.

Понятие толерантности важно и для обыденной, и для религиозной картин мира, при этом нюансы в трактовке данного понятия зависят в том числе и от особенностей религиозных воззрений. Для православных христиан в

соответствии с ведущими принципами религиозной этики чрезвычайно значима заповедь «Не судите, да не судимы будете», но в контексте народной религиозности она нередко вступает в противоречие с весьма популярным призывом «Око за око, зуб за зуб», который трактуется, как правило, не в смысле признания права на справедливость, а в качестве оправдания мстительных устремлений человека.

Это и многие другие противоречия, возникающие при попытке соотнести понятие толерантности с другими ключевыми для русской культуры понятиями, является, вне сомнения, темой отдельного исследования; если же говорить об отражении категории толерантности в паремическом фонде языка, то следует искать его в тех тематических группах пословиц, которые репрезентируют концепты «Прощение», «Терпение», «Любовь к ближнему». Соответственно, достаточно большое число пословиц, рекомендующих толерантность в качестве основы мировоззрения, опираются на ту же антитезу «Свое – Чужое». При этом смысловая основа паремий стремится к «уравновешиванию» в оценке «своего» и «чужого», а в семантике пословиц нередко наблюдается отражение результата когнитивной интеграции концепта «Толерантность» и концептов «Сочувствие»: *Всякую болячку к себе применяй; «Самокритика»: Оглянись коза на свои рога; Не смейся вода, сама молода* и т. д.

Таким образом, отражение в семантике пословиц понятий самоидентификации и толерантности происходит комплексно: толерантность как терпимость к «чужому» – один из аспектов самоидентификации как процесса поиска «своих» и «чужих» и, соответственно, процесс установления отношений со «своими» и «чужими». Что же касается других разновидностей паремий – загадок и примет – их жанровые и функционально-семантические особенности способствуют другому способу репрезентации понятия самоидентификации. Прежде всего, загадки и приметы тематически ограничены в выражении абстрактных категорий – к примеру, загадки, содержание которых связано с самоидентификацией человека, характеризуют антропоморфные категории в процессе обозначения человека и частей его тела. Например, в загадке *Три года – яйцо, тридцать лет – медведь, шестьдесят лет – курица (Младенец, середовой, старик)*. Кодирующая часть паремии являет три метафорических образа, характеризуя каждый возраст человека в соответствии с денотатами, которые являются носителями категоризирующих признаков «начало», «сила» и «слабость».

Подобная характеристика человека помимо собственно категоризирующей функции выполняет роль иллюстрации человеческих качеств посредством подбора к ним коррелятов из окружающей культурной и природной среды, являя сущность человеческую как одно из проявлений бытия вообще. Загадки создают образ человека «в среде», а не на ее фоне, – образ интеграции человеческого в «природное» и «культурное». Таким образом осуществляется демонстрация самоидентификации, которая может и выходить за пределы собственно культурной, социально обусловленной, – происходит выявление онтологических закономерностей в проявлении человеческого и природного: *Под полом, под полистым, лежит камень дыристый, не сохнет, не блекнет, не выветривает (Язык); Два братца через грядку смотрят, да не сойдутся (Глаза)*. В то же

время, природные явления и реалии могут выражаться через антропоморфные категории: *Меня бьют, колотят, ворочают, режут; я все терплю и всем добром плачу (Земля); Красная девушка по небу ходит (Солнце); Две сестры: одна светлая, другая темная.*

Если в загадках человек осмысливает свое место в мироздании в целом, то в приметах выражает те закономерности социальной и природной жизни, которые усвоены многочисленными поколениями и подаются в качестве практических рекомендаций, регулирующих все социально значимые события (свадьба, похороны, родины...) и основные хозяйственные дела (сев, уборка урожая, уход за растениями и скотиной, охота, рыбалка...). Например, *Одним полотенцем двоим не вытираться – к ссоре; Младенцам не давать целоваться – долго немые будут; Крошки изо рта валятся – к смерти; Рыба не клюет – перед дождем; Свинья навстречу – к счастью.*

Таким образом, приметы и загадки выражают категорию самоидентификации не на смысловом, а на функциональном уровне, раскрывая закономерности жизни человека в типичной для этноса природной и культурной среде. Категория толерантности как аспект категории самоидентификации оказывается для примет и загадок и вовсе не значимой в плане выражения, поскольку задача примет – формирование системы знаний о национальном социуме во всем многообразии его деятельных сторон, а загадки формируют национально стереотипическое образное мышление, в системе которого каждое проявление среды имеет символическое значение. Обнаруженная существенная разница в способах выражения категорий самоидентификации и толерантности объясняется, прежде всего, функциональным своеобразием народных афоризмов, каждый вид которых выполняет свою уникальную роль в социализации и культурной идентификации личности.